

Jack
KEROUAC
1922-1969

Джек
КЕРУАК

Одинокий странник

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
К 36

Jack Kerouac
LONESOME TRAVELER
Copyright © Jack Kerouac, 1960
All rights reserved

Перевод с английского Максима Немцова
Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Валерия Гореликова

Керуак Дж.

К 36 Одинокий странник : рассказы / Джек Керуак ; пер. с англ. М. Немцова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. — 192 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-08506-0

Еще при жизни Керуака провозгласили «королем битников», но он неизменно отказывался от этого титула. Все его творчество, послужившее катализатором контркультуры, пронизано желанием вырваться на свободу из общественных шаблонов, найти в жизни смысл. Поиски эти приводили к тому, что он то испытывал свой организм и психику на износ, то принимался осваивать духовные учения, в первую очередь буддизм, то путешествовал по стране и миру. Единственный в его литературном наследии сборник малой прозы «Одинокий странник» был выпущен после феноменального успеха романа «В дороге», объявленного манифестом поколения, и содержит путевые заметки, изложенные неподражаемым керуаковским стилем.

**УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44**

© М. Немцов, перевод, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-08506-0

ПРИЧАЛЫ БЕЗДОМНОЙ НОЧИ

ЗДЕСЬ НА ТЕМНОЙ ЗЕМЛЕ

пока все мы не отправились на Небеса

ВИДЕНЬЯ АМЕРИКИ

Все эти автостопы

Все эти желдороги

Все это возвращенье

к Америке

Через мексиканскую-и-канадскую границы...

Ну-тка начну-ка с вида меня с воротником, съезженным поближе к шее и обвязанным носовым платком, чтоб потуже и поуютней, а я трюхаю по унылым, темным складским пустырям вечно любящего портового района Сан-Педро, нефтеперегонки сырой туманноватой ночью Рождества 1951-го воняют горелой резиной и вытошненными таинствами Морской Карги Пасифики, где прямо слева от меня, пока я трюхаю, видна масляная дегтярница старых вод бухты, шагающих обнять пенящие столбы, а дальше над уютными водами огни, рыдающие в движущемся приливе, а также фонари судов и бродячих лодок, что сами движутся и смыкаются, и покидают эту последнюю кромку американской земли. — На том темном океане, том темном море, где червь незримо скачет к нам верхом, как карга, летучая и словно бы небрежно разложенная на печальном диване, но волосы ее развеваются, и она спешит найти кармазинную радость влюбленных и пожрать ее, Смертью звать, корабль рока и смерти пароход «Скиталец», выкрашенный черным, с оранжевыми выстрелами, уже приближался, как призрак и без единого звука, лишь его обширно содрогающаяся машина, подтянуться-и-при-

взвиться к причалу Педро, свеженький после рейса из Нью-Йорка через Панамийский канал, а на борту мой старый корешок, Дени Блэ назовем его, который вынудил меня проехать 3000 миль по суше на автобусах, обещанием, что возьмет меня на борт, и я проплыву остаток вояжа вокруг света. — И раз уж я здоров и снова бичую, а делать мне больше неча, только скитаться с вытянутой мордой по реальной Америке со своей нереальной душой, вот он я, горяч и готов быть большим ломоносый поваренком или судомоем на старой жрачной шаланде, лишь бы затарить себе следующую причудливую рубашенцию в гонконгской галантерее либо помахать полотком в каком-нибудь старом сингапурском баре или поиграть на лошадках в австралийском, все это мне едино, лишь бы распаяло и ходило вокруг света.

Уже не первую неделю я странствую по дороге, на запад от Нью-Йорка, и жду во Фриско дома у друга, меж тем зарабатывая лишние 50 дубов работой в рождественскую суету, ворочая багаж на старой запьянцовской железной дороге, вот только что приехал за 500 миль от Фриско почетным тайным гостем теплушки первоклассного грузового поезда «Молния» благодаря своим связям на железной дороге и теперь думаю стать видным моряком, сяду на «Скитальца» прямо тут в Педро, так я с нежностью думаю, в общем, если б не это пароходство, я б наверняка точно хотел быть железнодорожником, научился бы тормозному кондукторству, и мне бы платили за то, что езжу на этой старой вжик-«Молнии». — Но я болел, внезапная удушающая ужасная простуда типа вируса X по-калифорнийски, и почти ничего не видел в пыльное окно теплушки, пока она мелькала мимо снежного разбивающегося наката волн в Сёрфе и Тангэре и Гавиоте на меже, что бежит по этому лунистому рельсу между Сан-Луис-Обиспо и Санта-Барбарой. — Я как мог старался ценить добрый прогон, но был способен лишь лежать пластом на сиденье теплушки, уткнув лицо в свою куртку комом, и всем до единого кондукторам от Сан-Хосе до Лос-Анджелеса приходилось меня будить,

чтоб выяснить мою квалификацию, я был братом тормозного кондуктора, и сам — он же, на Техасской дистанции, поэтому стоило мне перевести взгляд наверх, думая «Старина Джек, вот ты и впрямь едешь в теплушке и следуешь линии прибоя по прозрачнейшей железной дороге из всех, по каким в дичайших своих грезах мечтал проехаться, как у ребенка мечта, так чего ж ты и головы приподнять не можешь, и выглянуть наружу, и заценить пернатый берег Калифорнии, последнюю землю, что оперяется тонкой пудряной дегтярницей придверных лежней или привратной воды, что вьется сюда со всякого Ориента и савана бухтового выстрела отсюда до Каттераса Хлоптераса Вольдивийного и Хрусттераса, ух», но подымаю голову, и там нечего смотреть, окромя моей кровеналитой души, да смутных намеков нереальной луны, сияющей на нереальное море, да мимомелькие проблески гальки на дорожной насыпи, рельсы в звездном свете. — Прибываем в ЛА поутру, и я спотыкаюсь с полным огромным обнимешком на плече от сортировок ЛА аж до самой Главной улицы ЛА в центре, где залег в гостиничном номере на 24 часа, пия бурбон, лимонный сок и анацин и видя, лежа на спине, виденья Америки, у которой не было конца — что было только началом, — но думая «Сяду на „Скитальца“ в Педро и отвалю в Японию, и кыш сказать не успеешь». — Глядь в окно, когда мне чуть получшело, и врубаюсь в жаркие солнечные улицы Рождества ЛА, наконец отправившись по бильярдным и полировочным сволочного ряда и выхаривая там и сям, пока ждал, когда «Скиталец» подтянется к причальной стенке, где я должен встретиться с Дени прям на трапе с пушкой, которую он послал заранее.

Больше одной причины встречаться в Педро — пушку он отправил заранее в книжке, которую тщательно вырезал и выдолбил и сделал из нее аккуратный тугой сверток, покрытый бурой бумагой и перевязанный бечевкой, адресованный одной девушке в Холливуде, Хелен как-то, с адресом, который он мне дал, «Так, Керуак, когда доберешься до Холливуда, немедленно иди к Хелен и спроси у нее про

сверток, что я ей прислал, потом аккуратно его вскрыешь у себя в номере, и там пистолет, он заряжен, поэтому осторожней, не отстрели себе палец, потом положишь в карман, ты меня слышишь, Керуак, тебе добило это до твоего суевыйного заполошного воображения — но теперь у тебя есть порученице выполнить мне, мальчику твоему Дени Блэ, помнишь, мы вместе в школу ходили, придумывали, как вместе выжить, чтоб пенни себе урвать, мы даже легавыми вместе были, мы и женились-то на одной тетке», (кхых) «То есть, — мы оба хотели одну и ту же тетку, Керуак, теперь все от тебя зависит, сможешь ли ты защитить меня от зла Мэттью Питерза, ты этот пистик с собой приноси», тыча в меня и подчеркивая каждое слово, и тыча меня с каждым словом «и тащи на себе, и смотри не попадись и не опоздай на судно, во что б ни стало». — План до того нелепый и уж такой для этого маньяка типичный, что я, конечно, пришел без пистолета, даже Хелен искать не стал, а лишь в одной своей избитой куртке, спеша, почти опаздывая, я уже видел его мачты близко у причала, ночь, прожекторы везде, вдоль этой унылой долгой пласы перегонки и складских резервуаров для нефтепродуктов, о мои бедные стертоптаные башмаки, что теперь вот уже начали настоящее путешествие — в Нью-Йорке пустились вдогон дурацкого судна, но того и гляди мне станет ясно в ближайшие 24 часа, ни на какое судно я не попаду — тогда этого не знал, но обречен был остаться в Америке, навсегда, дорожный рельс ли, гребвинт ли, это всегда будет Америка (суда курсом на Ориент пыхтели по Миссисипи, как будет показано впоследствии.) — Без пистолета, съжившись супротив ужасной зимней сырости Педро и Лонг-Бича, в ночи, минуя фабрику Кота в сапогах на углу с лужаечкой спереди, и американскими флагштоками, и здоровенной рекламой тунца, внутри того же здания делают рыбу и для человек, и для котов — мимо причала «Мэтсона», «Лурлина» еще не пришла. — Глазами шарю Мэттью Питерза, негодяя, для коего потребен пистолет.

Корнями уходит, неистово, к дальнейшим предшествовавшим событиям в этом зубовноскрежетном громадном кино земли, лишь часть коего здесь мною предложена, хоть и долгая, каким диким может стать мир, пока наконец не осознаешь «Ох, что ж, это по-любому повторное». — Но Дени намеренно разгромил машину этого Мэттью Питерза. Судя по всему, они жили вместе с кучкой девушек в Холливуде. Были моряки. Видал я фотки их, сидящих вокруг солнечных бассейнов в купальниках и с блондинками, и в будь здоров обнимательных позах. Дени высокий, толстоватый, темноволосый, улыбчивые белые зубы улыбкой лицемера, Мэттью Питерз крайне симпатичный блондин с самоуверенной мрачной или (болезненной) физиономией греха и безмолвия, герой — той группы, того времени — поэтому слышишь, как это всегда говорится из-под руки, конфиденциальные истории, что тебе любая пьянь расскажет и не-пьянь в любом баре и не-баре отсюда до другой стороны всех миров Татхагаты в 10 Сторонах вселенной, это как призраки всех комаров, что некогда жили, плотность байки мира этого всего такова, что довольно будет утопить Пасифику столько раз, сколько сможешь вынуть песчинку из ее песчаного ложа. Мощная байка же была, мощная жалоба, которую я слышал нараспев, от Дени, старого жалобщика и певуна, и одного из самых бранчливых жалобщиков, «Пока я шарил по мусорным бакам и бочкам Холливуда, прикинь, бродя по задам тех вот очень шикарных жилых домов и по ночам, поздно, очень тихо шнырял по округе, бутылки добывал по 5 центов залог и складывал их себе в сумочку, чтоб лишняя денюшка на карман, когда мы себе не могли грузчицкой работы в порту срассить, а судна ни за деньги, ни за красивые глаза нам не было, Мэттью, с его легкомысленными прихватами, закатывал вечерины и тратил всякий цент, что мог добыть у меня из заскорузлой лапы, и ни разу, Н Н Ни Разу, не слышал я ни единого С Л О В А благодарности — можешь вообразить, каково мне было, когда он наконец забрал мою любимую девчонку и свинтил с нею на ночь. — Я пролез

к нему в гараж, где он свою тачку держал, я тихо-тихо вывел ее задним ходом, не заводя мотор, дал ей скатиться по улице и затем, чувак, тут же двинул во Фриско, дую пиво из банок. — Я б тебе рассказал историю — » и давай дальше свою историю, сказанную его собственным неподражаемым манером, как он разбил машину в Кукамонге, Калифорния, лобовым столкновением с каким-то деревом, как его чуть при этом не убило, как были легавые, и крючкотворы, и бумаги, и волокита, и как он наконец добрался до Фриско, и сел на другое судно, и как Мэттью Питерз, который знал, что он на «Скитальце», будет ждать на пирсе этой же липкой холодной ночью в Педро с пушкой, блудкой, прихвостнями, дружками, чем не. — Дени собирался сойти с борта, глядя во все стороны, готовый распластаться на земле, а я должен был там его ждать у схода с трапа и вручить ему ствол стремглав — все это в туманной туманной ночи —

«Ладно валяй с историей».

«Тише ты».

«Ну ты же сам все это начал».

«Тише, тише» говорит Дени, как он обычно причудливо выговаривает «ГЧИ» очень громко, ртом па́стя, как радиодиктор, чтоб диктовать всякий звук, а затем «ШЕ» просто говорится по-англичански, этот трюк мы оба переняли на некоем шалопайском подготе, где все ходили и разговаривали, как очень удолбанные чмохающие чмумники, ...теперь шмакствует, Шмууум ники, необъяснимы глупые трюки школяров во время оно, потеряно, — что Дени теперь в нелепой Сан-Педровой ночи по-прежнему подкалывал туманы, как будто и разницы никакой нет. — «ТИ ше» говорит Дени, крепко беря меня за плечо и держа меня крепко, и глядя на меня в полном серьезе, росту в нем около шести-трех, и смотрит он сверху вниз на мелкого пять-с-девятью меня, и глаза его темны, посверхкивают, видно, что он злится, видно, что понятие у него о жизни такое, какого никто другой никогда не имел и никогда не будет, хоть ровно так же на полном серьезе он

может разгуливать, веря и задвигая свою теорию обо мне, к примеру, «Керуак жертва, ЖЕР твва свово собственово ва о бра ЖХЕ НИ Йя». — Или его любимая шуточка про меня, которая вроде как должна быть просто умора, а есть грустнейшая история, что он когда-либо рассказывал или кто угодно рассказывал, «Как-то вечером Керуак не хотел брать ножку жареной курицы, и когда я у него спросил почему, он взял и сказал „Я думаю о несчастных голодающих народах Европы“... Хьяя УА У У У» и давай фантастически ржать, как он может, а это такой невообразимый хуохуот в небеса, созданные специально для него, и я все время их над ним вижу, когда о нем думаю, черной ночью, кругосветной ночью, той ночью, когда он стоял на причале в Хонолулу в контрабандных японских кимоно на себе, четырех штуках, а таможенники заставили его раздеться до них, и вот он стоит такой ночью на платформе в японских кимоно, большой здоровенный Дени Блэ, в воду опущенный-и-очень очень несчастный — «Я б тебе рассказал историю такую длинную, что не дорассказал ее, если бы ты в кругосветку ушел, Керуак ты, но ты не ты не хочешь ты никогда не слушаешь — Керуак, что ЧТО ты скажешь бедным людям, голодающим в Европе, об этой тут фабрике Кота в сапогах с тунцом в зад, Х МХммч Йя а Йяауу Йяууу, *они делают одну еду для кошек и людей*, Йёорр йрУ-УУУУУУУУУУ!» — И когда он так вот смеялся, ты понимал, что ему чертовски отлично и одиноко таковски же, потому что я никогда не видел, чтоб это его подводило, трудили на судах и всех судах, где б он ни плавал, никак не понимали, чего тут смешного, чего со всеми также его розыгрышами, их я еще покажу. — «Я разбил машину Мэттью Питерза, понимаешь — позволь теперь мне сказать, конечно, я не спецом это сделал, Мэттью Питерзу хотелось бы так думать, куче злонамеренных черепушек бы так хотелось считать, Полу Лаймену так считать нравится, чтоб ему удобней считать было, будто я увел у него жену, чего, я тебя уверяю, Керуак, я нидь елал, то друган

мой Хэрри Маккинли увел жену Пола Лаймена. — Я поехал на машине Мэттью во Фриско, собирался ее там бросить на улице и уйти в рейс, он бы этот драндулет себе вернул, но, к сожалению, Керуак, у жизни не всегда такие развязки, как нам нравится вязать, но название городка я нипочем и никогда не смогу — эй, бодрей, э, Керуак, ты не слушаешь», хватя меня за руку, «Тише уже, ты слушаешь, что я тебе ГОВОРЮ!»

«Конечно, слушаю».

«Тогда почему ты такой мы, м, хым, что там наверху, там птички сверху, ты услышал птичку сверху, охххох» отворачиваясь с меленьким шхлюпочным одиноким смешочком, вот тут-то я и вижу подлинного Дени, вот, когда он отворачивается, это не великая шутка, никак было не сделать шутку великой, он со мною разговаривал, а потом попытался превратить в шутку мое не-слушание, и было не смешно, потому что я слушал, фактически я по серьезу слушал, как всегда все его жалобы и песни, а он, однако, отвернулся и попытался, и в заброшенном взгляде в свое собственное, можно подумать, прошлое, видишь двойной подбородок или подбородную ямочку какой-то природы большого младенца, что свертывается, да с раскаянием, с душераздирающим, французским отказом, смиреньем, даже кротостью, он прошел через весь строй от абсолютно злобных ков и замыслов и грубых розыгрышей, к большой ангельской Ананда-младенческой скорби в ночи, я его видел, я знаю. — «Кукамонга, Практамонга, Каламонгоната, никогда не упомяну названия этого городка, но я врезался на машине прямоком в дерево, Джек, и всего делов, и на меня накнулись все что ни есть побирушки, легавые, крючоктворы, судьи, врачи, индейские вожди, торговцы страховками, жулики, кто не в... — говорю тебе, мне повезло удрать оттуда живым, пришлось домой телеграмму отбивать за всевозможными деньгами, как ты знаешь, у мамы моей в Вермонте все мои сбережения, и когда я в реальной дыре, я всегда домой телеграфирую, это мои деньги».

«Да, Дени». Но поверх всего еще имелся дружок Мэттью Питерза Пол Лаймен, у которого имелась жена, которая сбежала с Хэрри Маккинли или неким манером, которого я никогда не мог понять, они забрали кучу денег и сели на пассажирское судно курсом на Ориент, и теперь жили с майором-алкоголиком на вилле в Сингапуре и знатно проводили время в белых парусиновых штанах и теннисных туфлях, но муж Лаймен, также моряк и фактически сослуживец Мэттью Питерза, и (хоть Дени этого в то время не знал, оба они на борту «Лурлины») (придержитка) бац, он убежден, что и за этим стоит Дени, и потому оба поклялись пришить Дени или сцапать Дени и, по словам Дени, собирались быть на причале, когда этой ночью придет судно, с пистолетами и друзьями, и я тоже там должен быть, наготове, когда Дени сойдет с трапа стремительно и весь разодевшись двигать в Холливуд посмотреть на своих звезд и девушек и все большое, о чем он мне писал, я должен быстро к нему шагнуть и отдать ствол, заряженный и взведенный, и Дени, старательно озираясь, чтоб никакие тени не вспрыгнули, готовый кинуться пластом наземь, берет у меня пушку, и вместе мы пересекаем тьму портового района и несемся в город — ради дальнейших событий, развитием —

И вот «Скиталец» подходил, его подравнивали вдоль бетонного причала, я стоял и спокойно разговаривал с одним из кормовых швартовщиков, что с тросами сражался, «Где плотник?»

«Кто, бля? Он — я его счас увижу». Еще несколько просьб, и появляется Дени, в аккурат когда судно привязывают и закрепляют, и матрос второго класса выставляет швартовые щиты против крыс, и капитан дунул в свою маленькую дудку, и эта непостижимая медленная громадная замедленнодейственная вечностная подвижка судна завершена, слышно бурление, вода за кормой бурлит, ссут шпигаты — большой привиденческий рейс всё, судно на приколе — те же человечьи лица на палубе, — и вот выходит Дени в своих дангери и невероятно в туманной ночи

видит своего мальчугана, который стоит прямо тут на набережной, как и планировалось, руки-в-карманах, чуть потянешь и достанешь.

«Вот ты где, Керуак, я и не думал, что ты тут будешь».

«Ты же мне сам сказал, нет — »

«Погоди, еще полчасика все закончить и почиститься и одеться, и я к тебе выйду — кто-нибудь есть?»

«Не знаю». Я огляделся. Я озирался уже полчаса, на машины на стоянке, темные углы, дыры складов, дыры дверей, ниши, крипты Египта, норы портовых крыс, похмельные дверьдыры и лохмы пивных банок, мачтовые выстрелы и рыбных орлов — тьфу, нигде, героев нигде не видать.

Два печальнейших на виданном свете пса (ха ха ха) сходят с этого причала, в темноте, мимо нескольких таможенников, которые оделили Дени привычным взглядцем и все равно б не нашли пистолет у него в кармане, но он столько мучений положил отправить его почтой в выдолбленном томе, и теперь, когда мы с ним вместе вглядывались, он прошептал «Ну принес?»

«Ага ага, у меня в кармане».

«Держи пока, дашь мне снаружи на улице».

«Не волнуйся».

«Их тут, наверно, нет, но нипочем не скажешь».

«Я везде посмотрел».

«Мы отсюда свалим и сделаем ноги — Я все распланировал, Керуак, что мы делаем сегодня ночью, завтра и все выходные; я со всеми коками переговорил, у нас все спланировано, тебе записку отнести Джиму Джексону в бичхолл, и ночевать будешь в курсантском кубрике на борту, подумай только, Керуак, весь кубрик тебе одному, и мистер Смит согласился пойти с нами и отпраздновать, хм а мхья». — М-р Смит был толстый бледный пузатый кудесник донных дегтярниц машинного отделения, обтирщик, или смазчик, или водолей общего назначения, он был старина потешней некуда, только с такими видаться и хочет-

ся, и Дени уже смеялся, и ему было хорошо, и забывал своих воображаемых врагов — снаружи на причальной улице уже стало очевидно, что мы оторвались. На Дени был дорогой синий сержевый костюм из Гонконга, с распорками в подкладных плечах и фасонного кроя, прекрасный костюм, в котором, теперь, рядом со мной в моем дорожном тряпье, он топтал, как французский фермер, швыряя свои громаднейшие башмаки по рядам *de bledeine*¹, как бостонский хулиган шаркает по Общественному в субботу вечером повидаться с парнями в бильярдной, но по-своему, с херувимческой улыбкой Дени, которая сегодня усугубляется туманом, от коего лицо его jovially кругло и красно, хоть и не старое, но чего со всем солнышком, сиявшим в рейсе по каналу, он похож на персонажа Дикенза, шагающего к своей почтовой карете и пыльным дорогам, да только что за гнетущая картина раскинулась пред нами, пока мы шли. — С Дени всегда ходьба пешком, долгие-долгие прогулки, он ни доллара не желал тратить на такси, потому что ему нравится ходить, а кроме того, бывали такие дни, когда он ходил с моей первой женой и, случалось, вталкивал ее в турникеты подземки, не успевала она сообразить, что произошло, со спины, естественно, — чарующий такой трюк — сэкономить никель — развлечение, в котором старине Дену нет равных, как это можно доказать. — Мы пришли к путям «Тихоокеанского Красного Вагона» после быстрого похода минут на 20 вдоль тех унылых нефтеперегонок и вододегтярничных вкешных перестоев, под невозможными небесами, отягощенными, небось, звездами, но виден лишь их грязный мазок в Рождестве Южной Калифорнии — «Керуак, вот мы и на путях „Тихоокеанского Красного Вагона“, у тебя есть хоть малейшее представление о том, что это за штука, можешь ли ты сказать то, что, по-твоему, можешь сказать, но, Керуак, ты всегда меня поражал как забавнейший человек из всех моих знакомых...»

---

¹ Зд.: захолустья (фр.).

«Нет, Дени, ТЫ забавнейший человек из всех моих знакомых —»

«Не перебивай, не пускай слюни, не —» вот как он ответил и всегда разговаривал, и он ведет меня через пути «Красного Вагона», в гостиницу, в центре долгого Педро, где кто-то должен нас встретить с блондинками, и потому по пути он прихватил пару мелких портативных упаковок пива, чтоб их портачить с собой, и когда мы до гостиницы добираемся, где политые пальмы в кадках и побитые витрины в барах, и машины на парковке, и все мертво и безветренно с этим мертвым калифорнийским печальным безветренным дымсмогом, и мимо сквозят пачуки в пришпоренной тачке, и Дени говорит, «Видишь компашку мексиканцев в той вон машине, в синих джинсах, они сцапали одного нашего моряка тут на прошлое Рождество, где-то ровно год назад сегодня, он не вынакивался, ничего, занимался своим делом, а они выскочили прям из этой своей машины и его избили адски просто — деньги у него забрали — денег не было, это просто от мерзости, они ж пачуки, им нравится людей бить за ради просто так —»

«Когда я был в Мехико, мне вовсе не показалось, что мексиканцы там такие —»

«Мексиканцы в США совсем другое дело, Керуак, объезди ты весь свет, как я, видел бы, как я вижу, несколько грубых фактов жизни, что, очевидно, с тобой и бедными голодающими в Европе вы никогда НИКОГДА НЕПОЙ МЁЁЁТТЕ...» снова схватив меня за плечо, на ходу размеренно, как в наши школьные деньки, когда мы, бывало, взбирались на солнечную утреннюю горку, в Хорэс Мэнн, на 246-й на Манхэттене, на скальные утесы возле парка Ван Кортлендта, по маленькой дороге, проходя мимо английских брусковых коттеджей и жилых домов, к оплущенной школе на вершине, вся компашка размеренно вверх по склону к школе, но никто никогда не ходил быстрее Дени, ибо он никогда не останавливался перевести дух, подъем был очень крут, большинству приходилось пых-

теть, и потеть, и поскуливать, и стонать по дороге, а Дени себе мерно шагал со своим большим радостным гоготом. — В те дни он, бывало, продавал кенжики богатеньким маленьким четвероклассникам, за туалетами. — Сегодня же вечером за душой был не единственный трюк — «Керуак, я сѣдни тя точно познакомлю с двумя кукамонгами в Холливуде, если вовремя туда доберемся, завтра-то наверняка... две кукамонги живут в доме, многоквартирном, все явно выстроено вокруг плавбассейна, ты понимаешь, что я сказал, Керуак?.. плавательный бассейн, в котором плаваешь — »

«Я знаю, знаю, видел на том снимке вас с Мэттью Питерзом и всеми теми блондинками, здорово... Что будем делать, обрабатывать их?»

«Погодь, минутку, я счас тебе всю историю объясню, давай пистолет».

«Нет у меня пистолета, дурень, я это сказал тебе, только чтоб ты с судна слез... Я был готов тебе помочь, если что-то случится».

«У ТЕБЯ ЕГО НЕТ?» Его осенило, он же перед всей командой хвастался, «Мой мальчик там на причале с пушкой, я что вам говорил», а еще до того, когда судно уходило из Нью-Йорка, он вывесил здоровенный нелепый, типично для Дени смехотворный плакат печатными буквами красной тушью на куске бумаги, «ВНИМАНИЕ, НА ЗАПАДНОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ИМЕЮТСЯ РЕБЯТКИ ПО ИМЕНИ МЭТТЮ ПИТЕРЗ И ПОЛ ЛАЙМЕН, ИМ БЫ НИЧЕГО ТАК НЕ ХОТЕЛОСЬ, КАК ЗАМОЧИТЬ ПЛОТНИКА-СКИТАЛЬЦА ДЕНИ Э. БЛЁ, ИМ ТОЛЬКО ДАЙ, НО ЕСЛИ КАКИЕ-ТО ТОВАРИЩИ ОЗНАЧЕННОГО БЛЁ ХОТЯТ ПОМОЧЬ, СМОТРИТЕ В ОБА, НЕТ ЛИ ГДЕ ЭТИХ ДВУХ ЗЛОБНЫХ НИЩЕБРОДОВ, КОГДА СУДНО ЗАЙДЕТ В ПЕДРО, И ЭТО БУДЕТ ОЦЕНЕНО ПО ДОСТОИНСТВУ, ПОДПИСЬ ПЛТНК. БЕСПЛАТНАЯ ВЫПИВКА СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ У ПЛТНК» — и затем изустно в столовой экипажа он громко хватался своим мальчонкой.

«Я знал, что ты всем расскажешь, что у меня пушка, потому и сказал, что он у меня. Тебе разве не приятней было с судна сходить?»

«Где он?»

«Я даже не ходил».

«Значит, по-прежнему там. Надо будет сегодня ночью его забрать». Он ушел в мысли с концами — все было нормалек.

У Дени наличествовали большие планы на то, что должно произойти в гостинице, коя была «*El Carrido Per*» из Мотпаотта-калифорнийских начислительских отелей, как я сказал, с пальметто в кадках и моряками внутри, а также с пришпоренным чемпионским отродьем самолетчиков-вычислителей Лонг-Бича, вся эта общая и на самом деле тягостная калифорнийская культура тут явно тусует, где видать тусклые интерьеры, где видать гавайски-орубашенных и принаручночасовленных, загорелых крепких молодых людей, кренящих долгие тонкие пива ко ртам своим, и они подаются и жеманничают с девками в прихотливых ожерельях, и с маленькими беленькими штучками из слоновой кости в загорелых ушах, и пустой синевищей в глазах, которую видно, а также со зверской жестокостью, там таящейся, и пивным, и дымным, и ловким духом прохладного внутреннего плисового коктейль-салона и всей этой американскостью, от которой в юности своей я дичал, в ней будучи, и хотел удрать из дому и отправиться большим героем в американской соблазнительно-джазово ноци. — От этого и Дени голову терял, в какой-то раз был печальным разъяренным французским мальчиком, которого привезли на судне ходить в американские частные школы, в кое время кости и темные глаза его тлели от ненависти, и хотелось ему разнести весь мир — но чуток образования Мудротой и Мудростью от Учителей Высокого Запада, и ему уже хотелось свои ненависть и разнос творить в коктейль-салонах, чему научился он из киношек Франшо Тоуна и Бог знает где и от чего еще. —

Мы подходим к этой штуке на безотрадном бульваре, фантомной улице с ее очень яркими уличными фонарями и очень яркими, однако хмурыми пальмами, выпирающими из тротуара, сплошь ананасно-ребристыми и подымающимися к неопределимому калифорнийскому ночному небу, и без ветра. — Внутри Дени никто не встречал, как водится, его не опознают и в упор не видят (ему на руку, но он этого не знает), поэтому мы принимаем пару пива, ощущимо ждем, Дени мне очерчивает больше фактов-и-персональных софистик, никто не приходит, никаких друзей да и никаких врагов, Дени совершенный Даос, с ним ничего не происходит, неурядицы стекают с его плеч, как с гуся вода, будто свиным салом они намазаны, он даже не знает, как ему повезло, а тут у него мальчонка под боком, старина Ти-Жан, который куда угодно пойдет за кем угодно, лишь бы приключения. — Вдруг посреди третьего или где-то там пива он ухаёт и понимает, что мы пропустили еже-часный поезд «Красного Вагона», и это нас задержит еще на час в унылом Педро, нам хочется к блескам Лос-Анжелеса, если можно, или Холливуда, пока все бары не позакрывались, я мысленным взором вижу все чудесные штуки, что Дени нам там запланировал, и вижу, непостижимо, невспоминаемо, что это были за образы, что я изобретал, пока мы не тронулись с места и не прибыли к какой надо сцене, не на экран, а на тягостную четырехмерную сцену саму. — Бам, Дени хочет взять такси и гнаться за «Красным Вагоном», также с нашими пивбанками в ручных картонках мы пускаемся рысью по улице к стоянке такси и одно берем гнаться за «Красным Вагоном», что этот мужик молча и делает, ведая про эгоцентричности моряков как О какой безотрадный таксист в О каком безотрадном городке, куда только с борта перед самым отходом спрыгивать. — Мы рвем с места — я подозреваю, что едет он, вообще-то, не так быстро, чтоб догнать «Красный Вагон», который мчит беспрепятственно по этой самой линии, к Комптону и окрестностям ЛА, на 60 в час. — Подозрение

мое в том, что он не хочет талон предупреждения и в то же время едет достаточно быстро, чтоб удовлетворить прихоть моряков на заднем сиденье — мое подозрение, он желает выхарить у старины Дена 5-долларовую купюру. — Дена же хлебом не корми, дай поразбрасываться своими 5-долларовыми купюрами — он от этого процветает, живет ради этого, он весь ходит в кругосветки, пашет в трюмах среди электрического оборудования, но хуже того, терпит помыканья комсостава и членов экипажа (в четыре утра спит на своей шконке, «Эй, Плотник, ты плотник, или ты пробка бутылочная, или гальюнный смотритель, на этом чертовом носовом гике опять фонарь погас, уж и не знаю, кто тут из рогаток пуляется, но я хочу, чтоб сигнальный огонь этот починили, мы через 2 часа в Пенанг заходим, и если, черт бы ты драл, еще будет темень, и у меня, и у нас не будет света, тебя за жопу возьмут, не меня, пойдешь к чифу на ковер»), поэтому Дени приходится вставать, и я так и вижу, как он это делает, вытирает невинный сон с глаз и просыпается навстречу холодному воющему миру, и жалеет, что у него нет кортика отрезать чуваку башку, но в то же время ему вовсе не улыбается и просидеть остаток жизни на губе, или себе башку отчасти потерять и остаток жизни провести парализованным с подковной скобой в шее, чтоб люди ему подносили параша, поэтому он сползает со шконки и бежит на побегушках у любой твари, которой найдется какой ор в него метнуть по какому угодно поводу из тысячи и одного электрического аппарата на этой проклятущей вонючей стальной гауптвахте, кою, насколько меня это интересует и насколько она умеет держаться на воде, есть то, что зовется у них судном. — Что такое 5 долларов для мученика? — «Жми на газ, мы должны догнать этот вагон».

«Я и так быстро еду, догоните». Он проезжает прямоком сквозь Кукамонгу. «Ровно в 11:38 в 1947-м или 1948-м, одно из двух, не помню, когда точно, но помню, я так устроил другому моряку пару лет назад, и он прям проездом

проехал — » и он не умолкает, сбавляя ход, чтоб не ехать через оскорбительную часть едва-едва бьющегося красного света, а я откидываюсь на спинку заднего сиденья и говорю:

«Могли б проскочить этот светофор, теперь точно не нагоним».

«Слушай, Джек, ты ж догнать хочешь, нет, а не чтоб штраф тебе какой-нибудь жезлоносец впаял».

«Где?» говорю я, выглядывая в окно и по всему горизонту тех болот ночи, нет ли где признака легавого на мотоцикле или патрульном крейсере — а видны лишь болота и громадные черные дали ночи да вдали, на горках, общинки с рождественскими огоньками в окнах, туманятся красным, туманятся зеленым, туманятся синим, меня вдруг от них пробивает мукою, и я думаю, «Ах Америка, такая большая, такая печальная, такая черная, ты как листва засушливого лета, что морщит, еще август не отыщет свой конец, ты безнадежна, на кого б ни посмотрела ты, ничего, лишь сухая безотрадная безнадежность, знание о неотвратимой смерти, страданье нынешней жизни, огоньки Рождества не спасут ни тебя, ни кого, как не украсить рождественскими фонариками мертвый куст в августе, среди ночи, и чтоб стал на что-нибудь похож, что это за Рождество такое ты исповедуешь, в сей пустоте?.. в сей туче облачной?»

«Все в полнейшем порядке» говорит Дени. «Давай дальше, успеем». — Следующий светофор он пролетает, чтоб смотрелось хорошо, но перед дальнейшим сбавляет ход, и вдоль по рельсам, и назад ни малейшего признака ни зада, ни переда никакого «Красного Вагона», мля — он доезжает до своего места, где пару лет назад высадил того моряка, никакого «Красного Вагона», его отсутствие чувствуется, он приехал и уехал, пустой запах — можно определить по электрической бездвижности на углу, что нечто здесь только что было и уже нет.

«Ну я, наверно, его упустил, черт возьми», говорит таксист, сдвигая кепку на затылок извиниться и выглядя при

этом лицемерно, поэтому Дени ему дает пять долларов, и мы вылезаем, и Дени говорит:

«Керуак, это значит, нам тут ждать час у холодных путей, в холодной туманной ночи, следующего поезда на ЛА».

«Это ничего», говорю я, «у нас же есть пиво, правда, открывай давай одну», и Дени шарит выудить старую медную открывашку, и на свет являются две банки пива, опрыскивая собою печальную ночь, и мы опрокидываем банку и давай хлопать — по две банки на брата, и начинаем швыряться камнями в дорожные знаки, приплясывая, чтоб согреться, присаживаясь на корточки, рассказывая анекдоты, вспоминая прошлое, Дени валяет «Хьра ррыук Хоо», и снова я слышу этот его великий хохот, звенящий в американской ночи, и пытаюсь сказать ему, «Дени, я вот прочему за судом поперся всю дорогу 3200 миль от острова Стейтен до чертова Педро, не только потому, что мне хочется и дальше чтоб видели, как я по миру езжу, и балеху себе закатываю в Порту-Суетнэм, и перехватываю ганджу в Бомбее, и отыскиваю спящих и флейтистов в грязном Карачи, и разжигаю собственные революции в Каирской Касбе, и выбираюсь из Марселя на другую сторону, а из-за тебя, потому что все, что мы раньше с тобой делали, и где бы, мне чертовски отлично с тобой было, Ден, никаких тут экивоков насчет... У меня никогда не бывает денег, это я признаю, я уже тебе должен шестьдесят за автобусный билет, но согласись, я стараюсь... Прости, что у меня никаких денег нет вообще, но ты же знаешь, я с тобой пытался, в тот раз... Ну черт же побери, уа ахуу, блядь, я сегодня хочу напиться». — А Дени говорит «Незачем нам валандаться вот так вот на холоде, Джек, смотри вот бар, вон там» (придорожная таверна тлеет красным в дымке ночи) «может, это бар мексиканских пачуко, и там из нас чертову мать всю повыбьют, но давай туда зайдем и подождем полчаса, что у нас есть, с несколькими пивами... и поглядим заодно, нет ли там каких кукамонг», и вот мы вырливаем туда, через пустырь. Дени тем временем очень деловито рассказывает, как я пустил свою жизнь коту под

хвост, но это я слышал от кого угодно от одного побережья до другого, и в общем смысле мне наплевать, и сегодня ночью наплевать, я это все так делаю и говорю все так.

Пару дней спустя пароход «Скиталец» отчаливает без меня, потому что мне в профсоюзе не разрешили, у меня не было старшинства, оставалось мне только, как они сказали, посидеть пару месяцев на биче, и поработать в порту или где-нибудь, и подождать каботажа на Сиэтл, и я подумал «Так если я вдоль берега телепаться буду, пойду хоть вдоль берега, коего я жажду». — В общем, я вижу, как «Скиталец» выскальзывает из бухты Педро, опять ночью, красный огонь по левому борту и зеленый по правому украдкой ползут по воде с сопровождающими призрачными топовыми огнями, вуп! (гудок буксирчика) — затем неизменно, как Гандхарвы, как иллюзии-с-Майями, тусклогоньки иллюминаторов, где некоторые члены экипажа читают на своих шконках, другие закусывают в столовой команды, а другие, вроде Дени, рьяно пишут письма большой красночернильной авторучкой, заверяя меня, что в следующий оборот вокруг света я уж точно попаду на «Скиталец». — «Но мне все равно, я в Мексику поеду» грю я и схожу с «Тихоокеанского Красного Вагона», маша судну Дени, исчезающему где-то там...

Среди шалопайских розыгрышей, что мы затеяли после той первой ночи, о которой я вам рассказал, мы втащили огромное перекаати-поле по трапу в 3 часа ночи в Канун Рождества и пропихнули в носовой кубрик машинного отделения (где все они храпели), и там и оставили. — Когда поутру они проснулись, то подумали, что они где-то не там, в джунглях или где-то, и все уснули опять. — Поэтому когда Дед орет, «Кто нахрен втащил это дерево на борт!» (оно было десять футов на десять футов, здоровенный шар сухих веточек), вдали и вглуби судового железного сердца слышно, как Дени воет, «Хуу хуу хуу! *Кто нахрен втащил это дерево на борт!* Ох этот Дед такой потеш-н-и-и-к!»

МЕКСИКАНСКИЕ ФЕЛЛАХИ

Когда переходишь границу в Ногалесе, Аризона, очень суровые на вид американские пограничники, кое-кто одутлолицый в зловещих стальюоправленных очках, побираются по всему твоему битому багажу в поисках скорпиона правонарушений. — Ты просто терпеливо ждешь, как это бывает всегда в Америке среди всех этих явно нескончаемых полицейских и их нескончаемых законов *против* (законов *за* нету) — но в тот миг, когда заступаешь за проводочную калитку и ты в Мексике, у тебя такое чувство, точно ускользнул из школы, а учительке сказал, что заболел, и она тебе разрешила пойти домой, 2 часа дня. — Такое чувство, будто только вернулся домой из воскресной утренней церкви, и снимаешь костюм, и влатьяешься в свой мягкий ношенный клевый комбез, играть — озираешься и видишь счастливые улыбки на лицах либо сосредоточенные темные лица встревоженных возлюбленных и отцов и полицейских, слышишь музыку из кантины из-за сквера с шариками и фруктовыми мороженками. — Посреди сквера эстрада для концертов, настоящих концертов для людей, бесплатно — поколения маримбистов, может, или джаз-банд Ороско играет мексиканские гимны Эль Президенте. — Жаждя, проходишь в качкие двери салуна и получаешь барного пива и поворачиваешься, а там ребята в пул режутся, готовят тако, носят сомбреро, некоторые носят пистолеты на своих ранчерских бедрах, и банды поющих дельцов швыряют песо стоячим музыкантам, которые бродят взад-вперед по залу. — Это великолепное ощущение вступления в Чистую Землю, особенно потому, что

СОДЕРЖАНИЕ

Введение автора	5
ПРИЧАЛЫ БЕЗДОМНОЙ НОЧИ	10
МЕКСИКАНСКИЕ ФЕЛЛАХИ	29
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ ЗЕМЛЯ	45
ЖЛОБЬЕ КАМБУЗНОГО МОРЯ	93
НЬЮ-ЙОРКСКИЕ СЦЕНКИ	112
ОДИН НА ГОРЕ	126
БОЛЬШАЯ ПОЕЗДКА В ЕВРОПУ	142
ИСЧЕЗАЮЩИЙ АМЕРИКАНСКИЙ БРОДЯГА	179

Литературно-художественное издание

ДЖЕК КЕРУАК
ОДИНОКИЙ СТРАННИК

Ответственный редактор Александр Гузман
Редактор Шаши Мартынова
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Корректоры Елена Терскова, Нина Тюрина
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.12.2016. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 8,46. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YVAK1651202R